

15. Пресс-релиз «Оценка социально-политической ситуации в Украине. Декабрь 2013». URL: <http://rb.com.ua/rus>

16. Рынковой Т. Технологизация государственного управления в Украине в контексте социальных и политических трансформаций // Вестник ПАГС. 2013. № 4 (37). С. 23–27.

M.V. Tyulpakov
Energy Cooperation between
Turkmenistan and China:
Present Condition and
Development Prospects

The article provides a brief overview of the history of relations between independent Turkmenistan and China, as well as a detailed analysis of the energy component of these relations. The author considers the basic stages and possibilities, as well as economic and political aspects of this kind of cooperation for China, Turkmenistan and other countries of the Central Asia.

Key words and word-combinations: Turkmenistan, China, Central Asia, energy, gas, oil.

Приводится обзор истории взаимоотношений независимого Туркменистана и Китайской Народной Республики, а также подробный анализ энергетического компонента этих взаимоотношений. Рассматриваются основные этапы и перспективы, а также экономический и политический аспекты такого рода сотрудничества для Китая, Туркмении и других стран Центрально-Азиатского региона.

Ключевые слова и словосочетания: Туркменистан, Китай, Центральная Азия, энергетика, газ, нефть.

УДК 338(1-773)(575.4+510)
ББК 65.7(5Тур+5Кит)

М.В. Тюльпаков

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО
ТУРКМЕНИСТАНА
И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В настоящее время Китайская Народная Республика (далее – КНР) в центрально-азиатском векторе внешней политики помимо очевидных геополитических мотивов руководствуется необходимостью поиска источников энергетических ресурсов. Это обусловлено все возрастающими темпами экономического роста Китая. Как справедливо отмечает Р. Медведев, «Китаю в последние 10 лет стало не хватать собственной нефти. Китай прекратил экспорт нефти и стал во все больших количествах ее импортировать» [1, с. 210], это же касается и природного газа. Туркменистан, обладая 17,4% от мировых запасов природного газа [2], предстает наиболее подходящим партнером для Китая. Актуально проведение анализа потенциала энергетического взаимодействия Китая и Туркмении как непосредственно для этих стран, так и для регионального рынка энергоресурсов.

Заинтересованность КНР в поступатель-

ном и стабильном развитии подкрепляется грамотной и дальновидной энергетической стратегией [3]. Сегодня и в долгосрочной перспективе выделяются следующие направления энергетической стратегии Китая:

- 1) увеличение сырьевой базы национального топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК);
- 2) разработка и использование новых технологий в развитии ТЭК;
- 3) достижение максимальной эффективности использования всех видов энергоресурсов путем рациональной диверсификации национальной энергетики;
- 4) при собственных довольно больших запасах энергоресурсов, увеличение объемов импорта энергоресурсов извне, разработка маршрутов их поставок [4].

Для китайской энергетической стратегии характерно стремление к долгосрочному закреплению в странах – донорах энергоресурсов. С точки зрения КНР, это обеспечивает гарантиями стабильность поставок извне. Китай начал проявлять интерес к топливно-энергетическому богатству Центральной Азии (далее – ЦА) уже на заре существования новых независимых государств на постсоветском пространстве. Сначала этот интерес был прикован исключительно к нефтегазовой отрасли Казахстана, а с начала 2000-х годов в центре внимания КНР появились и другие страны, в том числе Туркмения. Если разделить потребности ТЭК Китая по отраслям и соответствующим странам, то получим: нефть – Казахстан; газ – Туркменистан; уран – Казахстан и Узбекистан.

Поступательное развитие китайской экономики с каждым годом требует все больше ресурсов, но экспортные возможности стран ЦА не настолько велики, чтобы стать единственными (даже первостепенными) источниками энергоресурсов для Китая (исключением может быть уран). Однако такой немаловажный фактор, как географическое положение, увеличивает привлекательность центрально-азиатских партнеров с точки зрения стабильности, безопасности и устойчивости поставок энергоресурсов, а прикладываемые сторонами усилия по укреплению транспортной инфраструктуры позволят увеличивать процент центрально-азиатского импорта в КНР. Если систематизировать факторы экономической привлекательности стран ЦА и Туркменистана, в частности для Пекина, то получим следующее: во-первых, непосредственная географическая близость стран – участниц энергетического взаимодействия; во-вторых, не до конца раскрытый экспортный потенциал Казахстана, Туркменистана и Узбекистана, который может быть увеличен путем инвестиций в национальные экономики и совершенствования инфраструктуры региона, что может существенно увеличить долю ЦА в импорте КНР; в-третьих, транзитный потенциал региона позволит в случае необходимости обеспечить транспортировку углеводородов из Ирана и стран Ближнего Востока; в-четвертых, уровень экономического взаимодействия представляет собой плацдарм для политического взаимодействия.

Основное внимание Пекина в настоящее время фокусируется на нефтегазовых отраслях Казахстана и Туркменистана, а также на атомной отрасли Казахстана. Инвестиции и экономическое присутствие Китая в отраслях ТЭК других стран региона обуславливаются необходимостью создания транспортной инф-

раструктуры для обеспечения безопасности поставок из основных источников сырья и продвижением политических интересов Пекина в регионе.

Из всех областей сотрудничества КНР и Туркменистана ярче остальных выделяется газовая сфера взаимоотношений. Это проявляется в нарастающей динамике событий в двусторонних отношениях. За последние годы состоялось немало встреч высокого уровня между представителями Ашхабада и Пекина, которые были посвящены теме газового сотрудничества. Основой этого сотрудничества служит газопровод «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай».

Сегодня газ из Туркменистана в КНР транспортируется по трем веткам, что дает возможность довести его объем до 40 млрд м³/г.; в 2016 г. планируется открытие четвертой ветки, что позволит увеличить объем до 65 млрд м³/г. Решение об открытии четвертой ветки зафиксировано в мае 2014 г., когда состоялся визит Г. Бердымухамедова в Пекин. В рамках этого визита председатель Китая С. Цзиньпин так прокомментировал результаты встречи: «В этом контексте отмечалась нацеленность двух стран на наращивание стратегического сотрудничества на данном направлении, ускоренное строительство четвертой нитки газопровода Туркменистан – Китай, а также на расширение взаимодействия в области газо- и нефтепереработки, эффективное сложение усилий в целях обеспечения безопасности трубопроводной инфраструктуры и соответствующих объектов» [5].

Газопровод проходит от границы Туркменистана и Узбекистана по территории Узбекистана и Казахстана и пересекает северо-западную границу Китая, откуда газ распределяется по территории КНР. Создание подобной инфраструктурной взаимозависимости Китая и стран ЦА нацелено на поддержание стабильности в региональных экономических отношениях на долгосрочную перспективу. В настоящее время его протяженность составляет около 10 000 км [6].

Современные экспортные возможности Республики Туркменистан ограничены 65 млрд м³/г., при этом энергетическая стратегия КНР предполагает потребление в 2020 г. около 200 млрд м³/г., что при собственной добыче в 120 млрд м³/г. потребует 80 млрд м³/г. импорта. Основываясь на тенденциях разработки газовых месторождений Туркмении, можно сказать, что Ашхабад в состоянии самостоятельно обеспечить Пекин таким количеством газа, особенно учитывая недавно открытые месторождения («Галкыныш») и оставшиеся еще с советских времен («Южный Иолотань»). Именно на это направлены китайские инвестиции в энергетическую отрасль страны, и этим обоснована заинтересованность в совершенствовании газопроводов.

Потребность Туркменистана в КНР как в экономическом партнере очевидна: ни одна другая страна не способна в таком объеме принять экспорт довольно дорогого туркменского газа, при этом брать на себя все затраты по транзиту и строительству инфраструктуры. Экономика КНР уже более двадцати лет демонстрирует высокие темпы роста и потребности в энергоресурсах. Другие направления диверсификации туркменского газа (например, ЕС и Южная Азия) не могут конкурировать с КНР.

Помимо очевидной потребности Китая в импорте природного газа его участие в проекте газопровода «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай» обеспечивает Пекин возможностью реализации политических амбиций на постсоветском пространстве. Открытие в 2011 г. месторождения «Галкыныш» и углубление сотрудничества Туркменистана и Китая спровоцировали ответную реакцию США, которые начали лоббировать проект ТАПИ (соединяющего Туркменистан, Афганистан, Пакистан и Индию), который мог бы позволить использовать «Галкыныш» на выгодных для США условиях. Однако даже стороннему наблюдателю понятно, что на геополитической арене ЦА сегодня верх одерживает Китай: проект ТАПИ, судя по всему, свернут на неопределенный срок. Пока США и Россия продолжают выстраивать двусторонние отношения с Туркменистаном и другими странами ЦА, Китай с каждым годом интенсифицирует развитие энергетической инфраструктуры региона, обеспечивая себя экономическими гарантиями, на основе которых строится укрепление его политического и культурного влияния в регионе.

Судить о возрастающей роли Китая в Центрально-Азиатском регионе (далее – ЦАР) можно по увеличению количества стран, вовлеченных в сеть «Центральная Азия – Китай». Строительство так называемой ветки D (четвертая ветка газопровода), по данным официального сайта КННК, начинается в 2014 г. и предполагает участие помимо четырех имеющихся партнеров также Кыргызстана и Таджикистана [7]. Это важный момент в понимании политики КНР в ЦА. Казалось бы, проект нелогичный: первые три ветки проходят параллельно друг другу, а четвертая будет проходить через неудобную горную, политически нестабильную Ошскую область. Лишние 225 км трубопровода на первый взгляд кажутся экономическим просчетом Китая, так как требуют, помимо огромных затрат на строительство новых инвестиций в ТЭК этих стран, будущей оплаты транзитных услуг Киргизии и Таджикистану. Несмотря на острую потребительскую нужду в газе, эти страны будут не в состоянии покупать дорогой туркменский газ (360 долларов за 1 тыс. м³), то есть будут выполнять исключительно транзитную функцию.

Однако при более детальном анализе мотивов Пекина ясно, что Китай имеет далеко идущие политические цели: ЦА становится для Китая не только источником ресурсов, но и стратегическим тылом. Руководитель сектора экономического развития постсоветских государств Института экономики РАН Е.М. Кузьмина отметила: «Пекин приходит в Центральную Азию всерьез и надолго. Проекты строительства газопроводов в одном ряду с проектами строительства автомобильных и железных дорог» [8]. Инвестиции Китая в транспортную инфраструктуру ЦА оправданы стремлением Пекина политически укрепиться в регионе и экономически привязать к себе все страны ЦА.

Очевидно, что при продолжении курса в ЦА к 2020 г. КНР, с одной стороны, с помощью туркменского газа будет способна полностью обеспечивать прогрессивно увеличивающиеся потребительские нужды, а с другой – укрепит свое геополитическое доминирование в регионе за счет фактора экономической зависимости стран ЦА от Китая. В настоящее время ни одна из региональных

держав, а также ЕС и США не способны оказывать настолько же сильное влияние в регионе.

Туркменистан сегодня обладает богатыми энергетическими ресурсами, экспорт которых в совокупности с выгодным географическим положением, нейтральным статусом и уникальным способом ведения внешней политики (отказ от участия в блоках и формат исключительно двусторонних взаимоотношений) делает страну центром внимания крупных политических игроков. Будучи частью региона, на который направлена внешнеполитическая активность США, России, ЕС, Китая, Ирана, Турции, Афганистана, Туркменистан вынужден выстраивать прочные и долгосрочные отношения с представителями каждой из этих сторон, что успешно позволяет делать принцип нейтралитета. Однако Китай среди остальных выглядит наиболее преуспевающим в плане оказания влияния и упрочнения связей с Туркменией. В этом плане газопровод «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай» является лакмусовой бумажкой, отражающей уровень заинтересованности Китая и Туркменистана в упрочнении этих взаимоотношений. Есть основания полагать, что политический курс Пекина только наращивает обороты, превращая страны ЦА в своих экономических и стратегических партнеров в продолжающемся стремлении Китая к доминированию на евразийском континенте. Судьбу маленького в таких масштабах Туркменистана предопределить сложно, но при дальнейшей практике политики нейтралитета и повышении экспортного потенциала есть вероятность, что на какое-то время Туркмения станет «центрально-азиатской Швейцарией».

Библиографический список

1. *Медведев Р.* Подъем Китая. М., 2012.
2. BP Statistical Review of World Energy June 2014 // BP: Energy economics. London, 2014. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>
3. *Пармонов В., Строков А.* Центральная Азия в энергетической стратегии Китая // Центральная Евразия. М., 2012. URL: <http://ceasia.ru/energetika/tsentralnaya-aziya-v-energeticheskoy-strategii-kitaya.html>
4. World Energy China Outlook 2014–2015 // Independent statistics & analysis. Washington, 2014. URL: <http://www.eia.gov/conference/2014/pdf/presentations/xu.pdf>
5. *Цзиньпин С.* Туркменистан и КНР являются крупнейшими партнерами в газовой сфере // Neftegaz.ru. М., 2014. URL: <http://neftegaz.ru/news/view/123874>
6. Транснациональный газопровод Туркменистан – Китай – успешная реализация международного энергетического партнерства // Центр новостей ООН. М., 2010. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=12888#.UuTMFRDHnIU>
7. Flow of natural gas from Central Asia // КННК (CNPC). Пекин, 2014. URL: <http://www.cnpc.com.cn/en/FlowofnaturalgasfromCentralAsia/FlowofnaturalgasfromCentralAsia2.shtml>
8. *Панфилова В.* Пекин взял Центральную Азию в газовое кольцо // Независимая газета. 2014. URL: http://www.ng.ru/cis/2014-03-14/1_asia.html